

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-257-266>

УДК 398.21

ББК 82

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. В.Е. Добровольская
г. Москва, Россия

СКАЗКИ ПОШЕХОНСКОГО КРАЯ В МАТЕРИАЛАХ С.Я. ДЕРУНОВА

Аннотация: Первые публикации пошехонских сказок связаны с именем поэта и общественного деятеля С.Я. Дерунов, который опубликовал семь текстов. Это не аутентичные записи сказок. Мы не знаем, были ли они зафиксированы от одного или от нескольких сказочников, что подвергалось редактуре, написаны ли они самим Деруновым, на основании того, что он слышал от других. Однако какова бы ни была природа данных текстов они интересны набором мотивов, которые в них встречаются. Только один из текстов является собственно сказкой, другие представляют собой своеобразные соединения сказочных, мифологических и легендарных мотивов. Такое смешение разножанровых элементов встречается в фольклорной традиции у сказочников-импровизаторов и Дерунов мог услышать данные тексты в живом бытовании. Остальные тексты данной подборки представляют скорее всего творчество самого С.Я. Дерунова, созданное на основе услышанных им фольклорных текстов. Они не являются собственно сказками, а используемые в них мотивы используются для создания «мира чудесного» в жанрах несказочной прозы. Возможно, что на сюжеты данных текстов оказала влияние лубочная литература. Данная подборка позволяет говорить о существовании в Пошехонском крае ряда сюжетов, присущих как сказочной, так и мифологической и легендарной прозе.

Ключевые слова: фольклорная сказка, региональная сказочная традиция, фольклор и литература, Пошехонье, С.Я. Дерунов.

Информация об авторе: Варвара Евгеньевна Добровольская — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского искусствоведения, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2346-7493>

E-mail: dobrovolska@inbox.ru

Дата поступления статьи: 04.05.2025

Дата одобрения рецензентами: 9.11.2025

Дата публикации: 28.12.2025

Для цитирования: Добровольская В.Е. Сказки Пошехонского края в материалах С.Я. Дерунова // Вестник славянских культур. 2025. Т. 78. С. 257–266.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-257-266>

Ярославские земли были одной из древнейших частей Русского государства. Они были разорены во время татаро-монгольского нашествия, позднее вошли в состав Московского княжества, но даже став частью империи, сохранили свои культурные особенности. Именно эта культурная самобытность, а также своеобразная ориентация сельских жителей на городской тип культуры, что связано с отхожими промыслами, активной торговлей и работой на местных заводах и фабриках, повлияли на специфику фольклорной локальной традиции [12]. Народная культура данного региона не могла не привлечь внимание исследователей. Фольклорные материалы ярославской земли появляются в сборниках А.Н. Афанасьева, П.В. Киреевского, П.В. Шейна, А.И. Соболевского, В.И. Симакова, Е.Н. Елеонской.

Однако фольклор такой территории Ярославской земли как Пошехонье не привлекал внимания маститых собирателей. О фольклоре города на Шексне и его окрестностей мы знаем преимущественно благодаря местным краеведам. Среди них были те, кто так или иначе обращался к сказочной традиции региона [3, с. 38-50].

Первые публикации пошехонских сказок связаны с именем поэта и общественного деятеля С.Я. Дерунова [1, с. 150–158; 8, с. 55–59]. В 1868 г. в «Трудах Ярославского губернского статистического комитета» им были опубликованы пошехонские сказки [17, с. 137–156]. Данные тексты, безусловно, не представляют собой аутентичные записи сказок. Однако подобные публикации были типичны для того времени. Собиратели в значительной степени старались неким образом унифицировать тексты, сделать их с соответствующими своим представлениям о народной сказке. Некоторые ориентировались на то, как по их представлениям должен рассказывать сказки крестьянин, другие брали за образец лубочные тексты, некоторые лишь слегка редактировали свои записи, были и те, кто практически переписывал текст, создавая по сути литературную сказку на основе фольклорного повествования. Конечно, среди собирателей были и те, кто фиксировал слова сказочника максимально точно, однако таких людей было очень мало. Таким собирателем был, например, С. Разумихин, священник Ржевского уезда Тверской губернии, который максимально точно (с соблюдением диалектных особенностей) записал сказку «Надзей, папов унук», опубликованную в сборнике А.Н. Афанасьева [15, № 143]. Однако это было скорее исключение.

С.Я. Дерунов опубликовал семь текстов. В примечании редактора к публикации написано «Сообщены (то есть присланы. — В.Е.) членом ярославского статистического комитета С.Я. Деруновым» [17, с. 137]. Больше никаких примечаний ни сам Дерунов, ни редактор не оставили. Мы не знаем, были ли эти тексты записаны от одного или от нескольких сказочников, как Савва Яковлевич вторгался в тексты и что в этом случае подвергалось его редактуре, написаны ли данные тексты самим Деруновым, на основании того, что он слышал от других. Однако какова бы ни была природа данных текстов они интересны набором мотивов, которые в них встречаются.

Первая сказка — «Купеческая дочь» — представляет собой максимально полный вариант сюжетного типа СУС 883А «Оклеветанная девушка». Впервые сказка на данный сюжет была опубликована в сборнике «Старая погудка на новый лад» в 1795 г. Указателем [13] зафиксирован 21 русский вариант, одним из которых и является текст С.Я. Дерунова.

Сказочный текст соответствует сюжетной схеме, однако в нем не имеются оригинальные детали, не встречающиеся в известных вариантах данного сюжета. Это прежде всего встреча купца Пузанова с горьким пьяницей, который оказывается «не простой человек, а колдун» [17, с. 138]. Этот персонаж просит героя «опохмелиться, одолжите

пятачок» [17, с. 138]. После того, как купец дает ему монету, пьяница открывает ему «тайну великую». Она заключается в том, что купец должен поехать торговать «на восточную сторону», в результате чего «большое найдешь счастье, и слава о тебе пойдет по всей земле-матушке» [17, с. 138]. Именно пьяница-колдун говорит о том, что сына купец может взять с собой, а дочь оставить дома одну, потому что «она у тебя разумница» [17, с. 138]. В большинстве известных вариантов купец не нуждается в таком указании, поскольку сам в месте с сыном ездит по торговым делам.

Образ таинственного пьяницы, дающего советы не уникален для сказочной традиции. В целом ряде сказочных сюжетов герой прибегает к помощи именно пьяницы. Так, например в сборнике Д.Н. Садовникова горький пьяница Ивашка Белая рубашка, которого герой находит «при край же того селенья кабачишка стоит на боку, и боком в него не влезешь, и *тут* самое *годное* место, где пьяные ходят до ветру, и *тут* валяется человек, весь в дряне заморанный» [16, № 1], оказывается главным богатырем и спасителем своих товарищей.

Именно пьяницы могут давать герою советы о поисках чудесной диковинки или том, как добыть прекрасную царевну. Данным персонажам приписывается некая иномирная природа. Это связано, во-первых, с тем, что таинственный пьяница — нищий. Для традиционной культуры нищий это посредник между мира, некий носитель иномирного знания [9, с. 408–411; 10, с. 138–156]. Спиртные напитки в большинстве славянских традиций обладают определенной сакральностью, и соответственно потребляющий их человек обладает некими тайными знаниями. Безусловно пьянство осуждается [2, с. 149–156], но в сказке пьянство это некий маркер: правильные люди не пьют, но и не обладают сакральными знаниями. Пьяница ведет себя неправильно, но такое антиповедение указывает на его связь с потусторонними силами. Таким образом, пьяница в сказке находится на границе миров и обладает некими магическими знаниями. Дерунов подчеркивает это тем, что называет пьяницу колдуном.

В большинстве вариантов антагонистом девицы является дядя, брат ее отца. Чаще всего сказочники не говорят о том, что он имеет церковный сан, поскольку прелюбодеяние с близкой родственницей и так приравнивается к греху. В тех вариантах, когда отмечается, что этот человек священник, обычно не упоминается о том, что он родственник девушки; в этом случае грех прелюбодеяния хочет совершить священнослужитель. В варианте Дерунова представлен двойной грех, персонаж не только родственник девушки, но и монах: «Этот самый дядя, брат купца, жил в том же городе в монастыре монахом» [17, с. 138] — и эта принадлежность к монашеству постоянно подчеркивается.

Сказка наполнена множеством деталей. Мы знаем как зовут купца и его детей: купец Пузанов, его сын Федор и дочь Любовь. Мы видим не свойственные сказки внутренние диалоги героини, которая размышляет о том, почему «экай-какой дядюшка ласковый» [17, с. 138]. В тексте рассказывается и о том, как дядя-монах создает свою версию событий, разбивая окна в доме племянницы и приписывая это «любовникам-буянам».

В других вариантах данного сюжетного типа, фраза отца «Собаке собачья смерть» связана чаще всего с тем, что брат героини, пытаясь скрыть спасение сестры, как бы случайно роняет сердце животного на землю и его съедает собака. В данном варианте этого не происходит. Брат показывает окровавленное платье сестры и сердце убитой им собаки. Таким образом, сердце становится доказательством гибели девушки, а фраза отца связана с тем, что после смерти она «не будет порочить мое имя честное» [17, с. 138].

Мужем купеческой дочери становится король, что несвойственно русским сказкам, в них обычно действуют цари и царевичи. В большинстве вариантов героиня не рассказывает мужу о своем прошлом, а в данном случае она открывается ему. В известных вариантах отсутствуют развернутые эпизоды отъезда мужа героини на войну и его возвращения, тоски купеческой дочери о родине и, конечно, подробный рассказ о представлениях к молодой женщине министра и о его рассказе о превращении жены монарха в оборотня. Довольно подробно у Дерунова представлено и раскрытие правды, когда героиня в мужском платье рассказывает всем участникам настоящую историю событий.

В сказке много внутренних диалогов и психологических деталей, которые свойственны для более позднего периода бытования сказок, когда многие сказочники стали ориентироваться на литературную традицию. Поскольку варианты данного сюжета в Пошехонском крае не записывались, мы не можем с уверенностью сказать, относятся ли эти особенности текста к мастерству сказочника, особенностям фиксации, к специфике сказочной традиции региона или к особенностям творчества самого Дерунова и его представлениям о форме народной сказки.

Если рассмотренный выше текст безусловно является сказкой, то другие опубликованные материалы представляют собой своеобразные миксы мотивов сказочных, мифологических и легендарных. Такое соединение встречается в фольклорной традиции у сказочников-импровизаторов. Если Дерунов работал с таким сказочником, то он мог слышать данные тексты и в живом бытовании. Однако мы склоняемся к тому, что остальные тексты данной подборки представляют собой творчество самого С.Я. Дерунова, созданное на основе услышанных им фольклорных текстов, которые позволяют говорить о сказочных мотивах, распространенных в Пошехонье.

Второй текст «Четыре братана» представляет собой своеобразную вариацию на тему сюжетного типа СУС 759А** «Кого Бог любит, того отмечает». Надо отметить, что данный сюжет в русской традиции не зафиксирован. Не известен он и у белорусов. В восточнославянской традиции он известен только у украинцев (согласно указателю сюжетов — 3 варианта). Однако, подобные тексты о взаимодействии человека и Бога были популярны в другом фольклорном жанре — легенде, а также в древнерусских повестях. Оттуда, претерпевая определенные изменения, данные сюжеты проникали в сказку [11, с. 42–67; 4, с. 127–133; 5, с. 118–125; 6, с. 104–118].

«Умные» братья живут в богатстве и славе. Один становится настоятелем монастыря, другой — купцом, а третий — царем. Младший же занимается крестьянским трудом и живет в нищете, однако после смерти именно он попадает в Рай. Увидев своих братьев Аду герой «запечалил» и «светлое место показалось ему темнее прежнего» [17, с. 148]. Подобная реализация мотива «бедняк в Раю» скорее характерна для легенд и притч, а не для сказок. Сострадание же героя «неправедным» персонажам является признаком литературного вмешательства и скорее всего принадлежит авторству самого Дерунова, а не фольклорной традиции региона.

В данном тексте много элементов, указывающих на знание Деруновым фольклорной традиции. Так, например, описывая бедность деревни, где живут братья, С.Я. Дерунов использует следующую конструкцию: «а деревня-то, значит, была два двора, восемь улиц, а два дома — что два кола» [17, с. 142]. В пословицах довольно часто используется иронический прием описания маленького населенного пункта «Деревня большая: четыре двора, восемь улиц» или «Шуми деревня: четыре двора, двое ворот, одна труба» [14, с. 289]. Сказочники могут использовать пословицы в своих текстах, но обычно они упоминают их в конце текста, как бы подводя итог и делая

некий вывод, из событий происходящих в сказке. В данном случае пословица используется для описания деревни, в которой живут герои, что не типично для фольклорной сказки. Скорее всего Дерунов использовал данную пословицу для создания некоего «народного колорита».

Увидев положение своих братьев на том свете, герой спрашивает у ангела о причинах случившегося, и ангел подробно рассказывает герою в чем заключается неправильное поведение его братьев на земле. Для фольклорной сказки не свойственна такая подробность объяснения. Ей достаточно то, что персонажи при жизни были монахом, купцом и царем, а, следовательно, не могли вести праведную жизнь. Однако подобные развернутые сентенции встречаются в лубочных сказках и древнерусских повестях, откуда скорее всего и были заимствованы Деруновым.

Текст «Солдат в кабачке» представляет собой небылицу, построенную по принципу кумулятивной сказки, соединенную с этиологической легендой о том, почему у медведя хвоста нет. Сказка начинается с рассказа о том, как солдат шел домой в отпуск и увидел «дерево, вышиною до самого неба, и что ни сучок, то кабачок» [17, с. 148]. Солдат решает войти в кабачок и купить вина на пятак, «выпил, закусил и захотелось ему спать; лег — не спиться, думушка в голове вертится, куда задумано, туда спешиться» [17, с. 148]. Солдат покидает кабачок, и история повторяется несколько раз. Покинув последний кабачок, солдат видит «неба край», хватается за него и оказывается на небе в прекрасном саду, «где разных вишеньев до отвалу поел» [17, с. 149]. В саду он находит окно, из которого видна земля. Посмотрев на землю, солдат начинает тосковать по родине. Мотив окна на небе, из которого видна земля встречается в ряде сказок. Взгляд в него обычно необходим для того, чтобы герой начал тосковать по родине и захотел туда вернуться. Но в данном случае герой выпрыгивает в окно: «взял, перекрестился да и бултых в окно, полетел на землю, ударился о землю и ушел в нее по самые пазухи» [17, с. 149]. Спасается солдат, ухватив за хвост медведя. Пытаясь спастись от человека медведь «рванулся — хвост в руках у солдата и остался» [17, с. 149]. Как и положено в этиологическом тексте в сказке Дерунова присутствует некий вывод «Оттого, сударики вы мои, медведь теперь без хвоста» [17, с. 149]. Однако в данном случае небылица о солдате является обрамлением этиологической легенды. И завершается текст продолжением небылицы: солдат возвращается в свою деревню и шьет из хвоста медведя тулуп.

Безусловно, фольклорной традиции может быть свойственна и такая контаминация сюжетных типов. Но стоит отметить, что этиологические тексты редко включаются внутрь фольклорных сказок. Обычно в рамках традиции они выступают самостоятельно. Их соединение с другими сюжетными типами скорее можно рассматривать как некое указание на авторскую работу с текстом.

«Марьюшка Чудная» близка по сюжету к быличкам о проклятых детях, которые из-за неправильного поведения матери достаются лукашке (нечистому духу) (Подробнее о связи данного текста с мифологическими представлениями см.: [7, с. 262–270]). Однако, в отличие от большинства текстов о проклятых детях героиня знает о своей судьбе и призывает «доброго молодца, красоты неописанный», у которого «вместо ноженек, рыбий хвост» [17, с. 154]. Героиня оказывается во власти нечистого духа и навсегда исчезает из мира людей. Обилие психологических деталей и морализаторство указывают на то, что текст является авторским.

Четвертый и седьмой тексты из подборки С.Я. Дерунова на первый взгляд связаны с сюжетом СУС 555 «Коток золотой лобок (золотая рыбка, чудесное дерево)».

Однако в тексте «Жадная старуха» действие развивается скорее в жанре мифологической прозы, чем сказки. Старуха обращается к знахарке Шоше с просьбой помочь им со стариком дожить безбедно. Знахарка дает старухе волшебный корешок, который надо бросить в воду у мельничной плотины и обратившись к водяному попросить у него «золотого оборотня». Старуха выполняет все требования знахарки и получает золото. Но, будучи жадной, она обращается к знахарке второй и третий раз. Если второй раз получить золото опять удастся, то на третий — таинственная кошка вспыхивает: «ударил гром, разверзлась от вспыхнувшей кошки огненная река и поглотила старуху; старуха не успела и вскрикнуть. В ту же самую ночь у старухи и избушка с золотой казной сгорела, а старик с ума-разума спятил» [17, с. 151–152].

В седьмом тексте «Рыбак и чешка» чудесная рыбка предлагает за свое освобождение «камень самоцветный, неоценный», но рыбак отказывается от этого дара и убивает ее. Перед смертью рыбка произносит магическую формулу, свойственную быличкам о кладах: «на три головы получишь от меня разжиток» [17, с. 155]. Герой богатеет от продажи камня, найденного под сердцем рыбы, но теряет жену и двух сыновей, то есть те самые три головы о которых предупреждала героя рыбка.

Наконец, сказка «Царевич Ириней» представляет собой своеобразную народную утопию о справедливом царе, любящем народ и не любящем бояр, которые за это его и убивают.

Все тексты, представленные в подборке С.Я. Дерунова, в большинстве своем не являются собственно сказками. Однако, в них представлены мотивы, характерные для некоторых жанров несказочной прозы, которые часто используются сказочниками-импровизаторами для создания «мира чудесного».

Слышал ли С.Я. Дерунов сказки такого типа или это его самостоятельная художественная находка решить трудно. Вполне возможно, что на сюжеты данных текстов оказала влияние и лубочная литература. Единственный текст, представляющий собой собственно сказку — это текст об оклеветанной девицы. Он соответствует сюжетной схеме сказки, в нем действуют привычные сказочные персонажи и т.д. Безусловно он испытал влияние некой литературной редактуры, что было типично для того времени. Данная подборка позволяет говорить о существовании в Пошехонском крае и ряда сюжетов мифологической прозы: быличек о проклятой девице и кладах, этиологических легенд, своеобразных народных утопий, легенд о пребывании человека на том свете и т.д.

Список литературы

Исследования

- 1 Астафьев А.В., Астафьева Н.А. С.Я. Дерунов // Писатели Ярославского края. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1974. С. 150–158.
- 2 Глушкова Т.С. Стереотипы винопития в русском фольклоре // Коммуникативные исследования. 2015. № 3 (5). С. 149–156.
- 3 Добровольская В.Е. Сказочная традиция Пошехонского края (материалы XIX–XXI вв.) // Традиционная культура. 2025. Т. 26, № 3. С. 38–50.
- 4 Добровольская В.Е. Влияние русской лубочной повести на фольклорную сказку: проблема выбора мотива (СУС 938 «Евстафий Плакида» и СУС 301Д «Солдат находит исчезнувшую царевну») // Междисциплинарные исследования в гуманитарных науках: единое пространство традиционной культуры и искусства: сб.

- мат. II Междунар. научн. конф. М.: Изд-во Рос. гос. ун-та им. А.Н. Косыгина, 2024. С. 127–133
- 5 *Добровольская В.Е.* Сказка «Евстафий Плакида» (СУС 938) в русской фольклорной традиции: между агиографией и беллетристикой // Христианская культура и славянский мир. Сб. ст. по итогам X Круглого стола в рамках II Междунар. научн. конф. «Междисциплинарные исследования в гуманитарных науках». М.: Изд-во Рос. гос. ун-та им. А.Н. Косыгина, 2024. С. 118–125.
 - 6 *Добровольская В.Е.* Мотив встречи человека с Богом и святыми в русских сказках // Народная религиозность в свете фольклора. Сб. научн. ст. М.: Изд-во Гос. ин-та искусствознания, 2023. С. 104–118.
 - 7 *Киселев А.В.* Пошехонская сказка «Марьюшка Чудная» (вторая половина XIX в.): опыт интерпретации сюжета // История и культура Ростовской земли. Мат. XII научн. конф. Ростов: Изд-во Гос. музея-заповедника «Ростовский кремль», 2007. С. 262–270.
 - 8 *Комелина Н.Г.* Дерунов Савва Яковлевич // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: в 5 т. / [под ред. Т.Г. Ивановой]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. Т. 2: Д — Кошурников. С. 55–59.
 - 9 *Левкиевская Е.Е.* Нищий // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3: К (Круг) — П (Перепелка). С. 408–411.
 - 10 *Михайлова К.* О семантике странствующего певца-нищего в славянской народной культуре // Язык культуры: семантика и грамматика. М.: Индрик, 2004. С. 138–156.
 - 11 *Пигин А.В.* Древнерусская Повесть о Христовом крестнике: проблема жанра // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, №4. С. 42–67.
 - 12 *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева.* СПб.: Навигатор, 2006. Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 1: Пошехонский уезд. 607 с.
 - 13 *СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука. 1979. 437 с*

Источники

- 14 *Даль В.И.* Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 433 с.
- 15 *Русские народные сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984. Т. I. 539 с.*
- 16 *Сказки и предания Самарского края, собраны и записаны Д.Н. Садовниковым.* СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1884. 404 с.
- 17 *Сказки Пошехонского уезда. Собрание С.Я. Дерунова // Труды Ярославского губернского статистического комитета / под ред. А. Фогель. Ярославль: В губернской типографии, 1868. Вып. 5. С. 137–156.*

© 2025. Varvara E. Dobrovolskaya
Moscow, Russia

TALES OF THE POSHEKHONSKY REGION
IN THE MATERIALS OF S.YA. DERUNOV

Abstract: The first publications of Poshekhonye fairy tales are associated with the poet and public figure S.Ya. Derunov, who published seven texts. These are not authentic transcriptions of the tales. We do not know whether they were recorded from one or several storytellers, whether they were edited, or whether Derunov himself wrote them based on what he heard from others. Yet whatever the nature of these texts, they are interesting for the range of motifs they contain. Only one of the texts is a proper fairy tale; the others represent unique combinations of fairy tale, mythological, and legendary motifs. Such a mixture of multi-genre elements is common in the folklore tradition among improvisational storytellers, and Derunov could have heard these texts in real life. The remaining texts in this collection are most likely the work of S.Ya. Derunov himself, based on folklore texts he heard. These are not fairy tales per se, but rather the motifs used in them to create a “wonderful world” in non-fairytale prose genres. It is possible that the plots of these texts were influenced by popular prints. This collection suggests the existence in the Poshekhonsky region of a number of plots common to both fairy tales and mythological and legendary prose.

Keywords: Folkloric Fairy Tale, Regional Fairy Tale Tradition, Folklore and Literature, Poshekhonye, S.Ya. Derunov.

Information about author: Varvara E. Dobrovolskaya — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of General and Slavic Art History, Department of General and Slavic Art Studies, Institute of Slavic Culture, A.N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Khibinsky Pass., 6, 129337 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2346-7493>

E-mail: dobrovolska@inbox.ru

Received: May 4, 2025

Approved after reviewing: November 9, 2025

Date of publication: December 28, 2025

For citation: Dobrovolskaya, V.E. “Tales of the Poshekhonsky Region in the Materials of S.Ya. Derunov.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 78, 2025, pp. 257–266. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-257-266>

References

- 1 Astaf'ev, A.V., Astaf'eva, N.A. “S.Ia. Derunov.” *Pisateli Iaroslavskogo kraia*. [Writers of the Yaroslavl Region]. Iaroslavl', Verkhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1974, pp. 150–158. (In Russ.)
- 2 Glushkova, T.S. “Stereotipy vinopitiia v russkom fol'klore” [“Stereotypes of Wine Consumption in Russian Folklore”]. *Kommunikativnye issledovaniia*, №3 (5), 2015, pp. 149–156. (In Russ.)

- 3 Dobrovol'skaia, V.E. "Skazochnaia traditsiia Poshekhonskogo kraia (materialy XIX–XXI vv.)" [The Fairy Tale Tradition of the Poshekhonye Region (Materials from the 19th – 21th Centuries)]. *Traditsionnaia kul'tura*, vol. 26, no. 3, 2025, pp. 38–50. (In Russ.)
- 4 Dobrovol'skaia, V.E. "Vliianie russkoi lubochnoi povesti na fol'klornuiu skazku: problema vybora motiva (SUS 938 'Evstafii Plakida' i SUS 301D 'Soldat nakhodit ischeznuvshuiu tsarevnu')" ["The Influence of the Russian Popular Tale on the Folk Fairy Tale: The Issue of Motif Selection (CIP 938 'Eustathius Placidus' and CIP 301D 'The Soldier Finds the Vanished Princess'")]. *Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v gumanitarnykh naukakh: edinoe prostranstvo traditsionnoi kul'tury i iskusstva: sbornik materialov II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Interdisciplinary Research in the Humanities: A Common Space of Traditional Culture and Art: Collection of Proceedings from the 2st International Scientific Conference]. Moscow, A.N. Kosygin Russian State University Publ., 2024, pp. 127–133. (In Russ.)
- 5 Dobrovol'skaia, V.E. "Skazka 'Evstafii Plakida' (SUS 938) v russkoi fol'klornoi traditsii: mezhdru agiografiei i belletristikoi" ["The Fairy Tale 'Eustathius Placidus' (CIP 938) in the Russian Folkloric Tradition: Between Hagiography and Belles-Lettres"]. *Khristianskaia kul'tura i slavianskii mir. Sbornik statei po itogam X Kruglogo stola v ramkakh II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v gumanitarnykh naukakh"* [Christian Culture and the Slavic World. Collection of Articles Based on the Results of the 10th Round Table within the Framework of the 2st International Scientific Conference "Interdisciplinary Research in the Humanities"]. Moscow, A.N. Kosygin Russian State University Publ., 2024, pp. 118–125. (In Russ.)
- 6 Dobrovol'skaia, V.E. "Motiv vstrechi cheloveka s Bogom i sviatymi v russkikh skazkakh" ["The Motif of a Human Encounter with God and Saints in Russian Fairy Tales"]. *Narodnaia religioznost' v svete fol'klora. Sbornik nauchnykh statei* [Popular Religion in the Light of Folklore. Collection of Scientific Articles]. Moscow, The State Institute of Arts Studies, 2023, pp. 104–118. (In Russ.)
- 7 Kiselev, A.V. "Poshekhonskaia skazka 'Mar'iushka Chudnaia' (vtoraia polovina XIX v.): opyt interpretatsii siuzheta" ["The Poshekhonye Fairy Tale 'Marjushka the Marvelous' (Second Half of the 19th Century): An Attempt at Plot Interpretation"]. *Istoriia i kul'tura Rostovskoi zemli. Materialy XII nauchnoi konferentsii* [History and Culture of the Rostov Region. Materials 12th Scientific Conference]. Rostov, State Museum-Preserve "Rostov Kremlin" Publ., 2007, pp. 262–270. (In Russ.)
- 8 Komelina, N.G. "Derunov Savva Iakovlevich" ["Derunov Savva Iakovlevich"]. *Russkie fol'kloristy: Biobibliograficheskii slovar'. XVIII–XIX vv.: v 5 t.* [Russian Folklorists: Biobibliographical Dictionary. 18th – 19th Centuries: in 5 vols.], vol. 2: D — Koshurnikov, [ed. T.G. Ivanovoi]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2017, pp. 55–59. (In Russ.)
- 9 Levkievskaja, E.E. "Nishchii" ["The Beggar"]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.], vol. 3: K (Krug) — P (Perepelka), ed. N.I. Tolstogo. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2004, pp. 408–411. (In Russ.)
- 10 Mikhailova, K. "O semantike stranstvuiushchego pevtsa-nishchego v slavianskoi narodnoi kul'ture" ["On the Semantics of the Wandering Beggar-Singer in Slavic Folk Culture"]. *Iazyk kul'tury: semantika i grammatika* [The Language of Culture: Semantics and Grammar]. Moscow, Indrik Publ., 2004, pp. 138–156. (In Russ.)

- 11 Pigin, A.V. “Drevnerusskaia Povest' o Khristovom krestnike: problema zhanra” [“The Old Russian Tale of Christ's Godson: The Issue of Genre”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 17, no. 4, 2019, pp. 42–67. (In Russ.)
- 12 *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nrvy. Materialy «Etnograficheskogo biuro» kniazia V.N. Tenisheva* [*Russian Peasants. Life. Customs. Morals. Materials of Prince V.N. Tenishev's “Ethnographic Bureau”*], vol. 2: Iaroslavskaiia guberniia [Yaroslavl Province], part 1: Poshekhonskii uezd [Poshekhonye District]. St. Petersburg, Navigator Publ., 2006. 607 p. (In Russ.)
- 13 SUS — Sravnitel'nyi ukazatel' siuzhetov. Vostochnoslavianskaia skazka [*SUS — Comparative Index of Plots. East Slavic Fairy Tale*], comp. L.G. Barag, I.P. Berezovskii, K.P. Kabashnikov, N.V. Novikov. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 437 p. (In Russ.)